

ШКОЛА ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Школа забытых
фонарей. Ночь
решающего выбора

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Школа забытых фонарей

Алёна Северина

**Школа забытых фонарей.
Ночь решающего выбора**

«Автор»

2026

Северина А.

Школа забытых фонарей. Ночь решающего выбора /
А. Северина — «Автор», 2026 — (Школа забытых фонарей)

На территории старого депо обнаруживают коробку с документами и записью, которую никто не спешит признавать своей. Соня Орлова и Лев Данилов пытаются выяснить, кто доставил её и почему в материалах расходятся время, подписи и показания свидетелей. Пока одни требуют немедленно раскрыть содержимое, другие боятся, что вместе с доказательствами станет известна давняя семейная история. Решающий выбор придётся сделать человеку, которого все привыкли обходить стороной.

Алёна Северина

Школа забытых фонарей.

Ночь решающего выбора

Глава 1. Наследство или письмо

Соня Орлова подписала расписку и убрала ручку в карман пальто. Бумага под ладонью казалась слишком тонкой для того, что ей только что передали.

— Вы понимаете, что именно принимаете? — спросил нотариус.

На столе лежал старый латунный фонарь. Он был небольшим, не выше чайника, с потемневшим стеклом и дверцей, которая закрывалась на крошечный крючок. Ничего особенного: такие находили на чердаках, в сараях и в лавках, где вещи продавали по весу. Только на ручке темнела свежая царапина, а внутри, под жестяной крышкой, прятался свёрнутый лист.

— Наследство, — ответила Соня. — Или вы спрашиваете, понимаю ли я, почему оно досталось мне?

Нотариус снял очки и протёр их салфеткой.

— В завещании сказано: «Передать Соне Орловой. Не зажигать до рассвета». Больше никаких пояснений.

— Кто оставил?

— Личность завещателя установлена. Имя вам знакомо?

Он подвинул через стол копию свидетельства. Соня прочла фамилию и задержала взгляд на дате смерти. Женщину по имени Вера Ланская она не знала, но фамилия мелькала в бумагах, которые Соня разбирала после смерти тётки: старые доверенности, списки жильцов, квитанции за помещение на набережной. Тогда она решила, что это давняя знакомая семьи. Теперь это выглядело иначе.

— Почему фонарь? — спросила она.

— Я не задаю вопросов покойным.

За дверью послышались шаги, и почти сразу вошёл Лев Данилов. На воротнике его пальто осели капли дождя. Он остановился, увидев фонарь, затем посмотрел на Соню.

— Тебя не предупредили, что я приду?

— Нет.

— Я просил подождать меня.

— А я не просила тебя решать, когда мне можно принимать наследство.

Лев перевёл взгляд на нотариуса.

— Она уже подписала?

— Расписка о получении, — уточнил тот. — Наследственные документы оформлены надлежащим образом.

Лев поджал губы. Он не спорил с формулировкой; спорил с тем, что она означала.

— Вера Ланская была связана со школой, — сказал он. — Старым зданием у восточной пристани.

— С какой школой?

— С той, которой нет ни на одной современной карте.

Соня коснулась фонаря. Металл был холодным, но не промозглым; будто его недавно держали в руках.

— Тогда расскажи, что знаешь.

— Не здесь.

— Лев, я только что получила предмет от незнакомого человека, который, судя по всему, связан с исчезнувшим учреждением. «Не здесь» — не объяснение.

Он помолчал. В его молчании не было привычной уверенности человека, который скрывает что-то ради удобства. Скорее, он подбирал слова так, чтобы не солгать и не выдать лишнего.

— В школе собирали свидетельства, — сказал он наконец. — Не записи о преступлениях. Истории людей, которые соглашались оставить часть своей жизни в архиве. Иногда имя. Иногда событие. Иногда право рассказывать о нём своим голосом. После закрытия здание опечатали, а архив вывезли. По документам — в городской фонд.

— А по факту?

— Часть фонда пропала.

Соня открыла дверцу фонаря. Внутри лежал лист, сложенный вчетверо. Бумага была плотной, края потемнели от времени. На верхней строке ровным почерком значилось: «Школа забытых фонарей. Ночь решающего выбора».

Под названием стояла дата, назначенная на следующий вечер.

Ниже — перечень фамилий. Тринадцать человек. Возле двенадцати имён были проставлены короткие отметки. Напротив последней фамилии, Корнеева Михаила, пустовала графа.

— Ты говорил, что архив вывезли, — произнесла Соня.

— Так написано в акте.

— Но этот список не из городского фонда.

— Откуда ты знаешь?

Она показала ему бумагу. Лев потянулся, но остановил руку на полпути.

— Можно?

Соня кивнула. Он взял лист за края, не касаясь текста.

— Корнеев... — пробормотал он. — Михаил Павлович работал смотрителем в здании. После закрытия он первым подписал отказ от дальнейшего участия в разбирательстве.

— Отказ от участия или согласие на то, чтобы его не слушали?

— В деле написано «согласие».

— В деле может быть написано что угодно.

В коридоре хлопнула дверь. Нотариус поднялся, чтобы закрыть форточку, и в это мгновение из-под листа выпал узкий клочок бумаги. Он скользнул на пол. Соня подняла его первой.

На клочке было всего две строки:

«Я не разрешал им решать за меня. Если фонарь у Орловой — значит, очередь дошла до неё».

Лев прочёл через её плечо.

— Это угроза?

— Пока это документ, — сказала Соня. — Угрозой он станет, если кто-нибудь подтвердит намерение причинить вред.

Она сфотографировала лист и клочок рядом, затем перевернула их, проверяя оборот. На обратной стороне списка едва различалась печать. Не городская — маленькая, с изображением окна и цифрой четыре.

— Значит, пропал не просто архив, — сказала Соня. — Пропали конкретные согласия. И кто-то продолжает пользоваться ими так, будто люди всё ещё согласны.

— Соня, не надо ехать туда одной.

— Я ещё не сказала, что еду.

— Ты уже решила.

Она посмотрела на него. Лев не требовал, не преграждал дорогу; только назвал то, что видел. От этого спорить было труднее.

— Я хочу найти Михаила Корнеева и выяснить, что означает его пустая графа. Потом — проверить адрес школы. Если ты знаешь, где он, скажи.

Лев назвал улицу у восточной пристани. Старое здание стояло за оградой, между закрытой мастерской и складом, который давно пустовал. До рассвета оставалось меньше часа.

— Поедем вместе, — сказал он.

— Это не значит, что я тебе доверяю.

— Я понял.

Соня заметила, что нотариус пристально смотрит на пустую графу напротив имени Корнеева, и спрятала список во внутренний карман. Фонарь оставила в футляре нотариуса: не потому, что боялась его зажечь, а потому что сейчас он был уликой. На выходе она обернулась к столу.

— Вы знали, что это за список? — спросила она.

Он отвёл глаза слишком поздно.

— Я видел такую печать однажды.

— Где?

— В старом деле о несчастном случае. Человека нашли у пристани. Его звали Михаил Корнеев.

Лев резко повернулся к нему.

— Когда?

— Семь лет назад.

Соня убрала телефон. Теперь у неё была не только пропажа, но и первый пострадавший — человек, чьё согласие могло быть записано вместо него, а чья смерть осталась в деле без объяснения.

— Тогда мы начнём с этого дела, — сказала она. — И на этот раз никто не будет решать за меня, что мне позволено знать.

На восточную пристань они добрались, когда небо над Серебряной Гаванью только начинало сереть. Улица была пустой, мокрый камень блестел под редкими фонарями. Соня шла быстро, но не настолько, чтобы Лев мог принять её молчание за согласие с ним.

— Ты сказал, что знал о деле Корнеева, — произнесла она. — Почему не сказал раньше?

— Потому что не знал, что это тот самый Корнеев.

— Ты видел фамилию в списке.

Лев посмотрел на неё.

— Видел. Но решил, что совпадение. Тогда я работал с копиями старых дел, не с самим архивом. В материалах о несчастном случае не было ни школы, ни списка.

— А что было?

— Короткая справка. Смотритель. Падение с причала. Отказ от участия в разбирательстве. Дело закрыли.

Соня остановилась у перекрёстка. На противоположной стороне улицы темнела ограда, за ней — крыша старого здания с узкими окнами. Школа выглядела не заброшенной, а оставленной на паузу: ни выбитых стёкол, ни провалившейся кровли. Только облупившаяся вывеска, на которой дождь почти смыл последние буквы.

— Кто закрыл дело?

— Не помню.

— Ты помнишь, что оно было коротким, и не помнишь, кто поставил последнюю подпись?

— Я не участвовал в расследовании.

— Но читал.

Лев не стал спорить. Соня снова пошла, и он последовал за ней, сохраняя расстояние в несколько шагов.

У ворот висел новый замок. Ржавчина вокруг скобы была старой, а блестящая дуга — свежей. Соня наклонилась, рассматривая следы на земле. Две пары обуви: одна крупная, с глу-

боким рисунком подошвы, другая — узкая, каблук почти не оставил отпечатка. Следы тянулись между калиткой и боковым входом. Между ними тянулась полоса, будто кто-то волочил тяжёлую вещь.

— Вчерашние? — спросил Лев.

— Может быть. Дождь был ночью, а земля уже подсохла по краям. Но точнее скажет не обувь, а тот, кто проходил здесь.

За оградой, у стены соседней мастерской, сидел мужчина в тёмной куртке. Он держал в руках термос и смотрел на них без любопытства, пока Соня не подняла телефон.

— Не снимайте, — сказал он. — Я ничего не видел.

— Мы ещё не спрашивали, — ответила Соня.

Мужчина поднялся. Лет ему было около шестидесяти; на воротнике куртки белела штукатурная пыль.

— В этой школе никого нет.

— Тогда вам нечего скрывать, — сказал Лев.

Соня бросила на него короткий взгляд. Мужчина тоже посмотрел на Льва, будто тот подтвердил его опасения.

— Вы из полиции?

— Нет, — сказала Соня. — Я ищу документы о Михаиле Корнееве. Он работал здесь смотрителем.

Термос дрогнул в руках мужчины.

— Корнеев умер.

— Семь лет назад, — сказала Соня. — Его дело закрыли. В документах указано, что он отказался участвовать в разбирательстве. Я хочу понять, подписывал ли он этот отказ сам.

— А если подписал?

— Тогда подпись должна быть проверяема. Если не подписал — это тоже должно быть доказано.

Мужчина долго молчал. Из-за ограды донёсся глухой стук. Соня повернула голову к боковой двери.

— Там кто-то есть?

— Старый водосток, — быстро сказал он.

Стук повторился: три раза, с равными промежутками. Не водосток.

Соня не стала хвататься за калитку. Она достала телефон и набрала номер, указанный на временной табличке у входа в мастерскую. Мужчина шагнул к ней.

— Не надо.

— Тогда скажите, кто внутри.

Он поставил термос на землю.

— Я — Павел Рудин. Помогаю городскому архиву разбирать бумаги школы. Иногда. Мне дали ключ, чтобы убрать протечку в бывшей канцелярии. Никаких чужих там нет.

— А звук?

— Стукнуло что-то.

— Вы только что сказали, что здесь никого нет.

Рудин поморщился и посмотрел на ограду.

— Там девушка. Она пришла ночью. Сказала, что ей нужно забрать письмо. Я не знаю, что за письмо. Я сказал, что ничего отдавать не буду. Она заперлась в бывшей комнате смотрителя.

— Почему вы не вызвали помощь?

— Она попросила не звонить. Сказала, если кто-то узнает, её заставят подписать бумагу. Соня опустила телефон.

— Как её зовут?

— Не знаю.

— Вы впустили незнакомого человека в закрытое здание, а потом оставили его там одного?

— Я не оставил. Я ждал, пока она успокоится.

— Как долго?

Рудин не ответил.

Лев шагнул к калитке.

— Откройте.

— Я не могу. Ключ от бокового входа.

— Тогда проводите нас туда.

Рудин помедлил, затем вынул связку ключей из кармана. Пока они обходили ограду, Соня заметила, что узкий след каблука, виденный с улицы, шёл не от входа, а к нему. Девушка пришла сама; тяжёлую полосу оставил тот, кто вынес что-то из здания.

Боковая дверь поддавалась не сразу. Внутри пахло мокрой штукатуркой, пылью и старым деревом. Рудин включил свет в коридоре. Несколько ламп мигнули, одна загорелась тускло. На стене висел план этажей; половина названий была стёрта, но бывшая комната смотрителя отмечалась у лестницы.

Из-за двери донёсся женский голос:

— Павел, уйдите.

— Это не Павел, — сказала Соня. — Я Соня Орлова. Я не собираюсь заставлять вас ничего подписывать. Мне нужно только знать, вы в безопасности?

Молчание затянулось.

— Я не открою, если там он.

— Кто?

— Данилов.

Лев замер. Соня не обернулась к нему.

— Вы знаете Льва?

— Знаю, что он был в архивной комиссии. И знаю, что после него мне принесли бумагу с пустой строкой. Сказали поставить подпись, а потом объяснили, что я сама согласилась.

Соня перевела взгляд на Рудина.

— Как её зовут?

Тот наконец ответил:

— Ирина Корнеева. Внучка Михаила.

Из комнаты раздался сухой щелчок. Девушка отодвинула засов, но дверь приоткрыла лишь на ладонь. В щели показался её бледный глаз.

— Я не буду говорить при нём.

Лев отступил на несколько шагов.

— Хорошо, — сказала Соня. — Он останется здесь. Я тоже не войду, пока вы не разрешите.

Ирина смотрела на неё, не открывая дверь шире. За её плечом, на столе, лежал конверт с потемневшим краем. На нём было написано: «Рассветов. Лично Михаилу Корнееву».

— Это письмо вашего деда? — спросила Соня.

— Не знаю. Но оно было в его вещах. Мне сказали, что его здесь никогда не было.

— Кто сказал?

Ирина отвела взгляд к конверту.

— Человек, который хочет, чтобы я подписала согласие за него.

— За кого?

— За моего деда. В деле о его смерти уже есть подпись. Теперь им нужно, чтобы я подтвердила: он не возражал против того, что с ним сделали.

— Что именно сделали? — спросила Соня.

Ирина открыла дверь ровно настолько, чтобы выйти. Пальцы у неё дрожали, но конверт она держала крепко.

— Его оставили одного у воды. Он просил вызвать людей. Они записали, что он отказался от помощи.

Соня не потянулась к письму.

— Вы готовы рассказать это официально?

Ирина взглянула на неё, потом на Льва, стоявшего у лестницы. Его лицо было неподвижным, но руки сжались.

— Не ему.

— Тогда не ему, — сказала Соня. — Вы выберете, кому говорить и в каком порядке. Но письмо я попрошу зафиксировать. Не забрать.

Ирина кивнула не сразу. Потом положила конверт на стол и достала телефон.

— Сначала сфотографируем. Обе стороны. При свидетеле.

Соня протянула ей свой телефон, экраном вверх.

— Решать будете вы.

Ирина взяла его сама. За окном бледнел рассвет; школьный коридор постепенно проступал из темноты, и от этого старые пятна на стенах становились похожи не на тени, а на следы, которые больше нельзя было принять за пустое место.

Ирина снимала конверт медленно, не касаясь потемневшего края. Сначала лицевую сторону, потом оборот, затем угол с надорванной печатью. Соня попросила её положить рядом линейку — не для красоты, а чтобы на снимке был виден размер. Ирина нашла в ящике короткую металлическую линейку, потёртую до матового блеска.

— Она дедова, — сказала девушка. — Он ей отмечал строки в газетах.

Соня не стала спрашивать, откуда Ирина так уверена. Сейчас важнее было зафиксировать вещь, а не заставить её доказывать каждую мелочь.

Лев всё ещё стоял у лестницы. Он смотрел не на Ирину, а на собственные руки, словно пытался удержать их от движения. Рудин переминался у стены; его пальто пахло сырой шерстью и табаком.

— Когда вы сказали, что он был в комиссии, — обратилась Соня к Ирине, — вы имели в виду Льва?

— Я видела фамилию. Данилов. В бумагах, которые приносил Павел.

— Вы видели мою подпись? — спросил Лев.

— Не знаю. Там было написано, что комиссия беседовала с дедом. Он уже не мог беседовать. Я спросила, кто оформил бумагу. Мне ответили: архивная комиссия. Потом принесли лист с пустой строкой и сказали, что без неё всё останется как есть.

— И вы отказались?

— Я не подписала. Тогда они перестали говорить о деле и начали говорить о квартире. Что дед был один, что мне не справиться, что бумаги всё равно ничего не изменят.

— Кто именно? — спросила Соня.

Ирина сжала губы. За окном серел двор, разделённый на узкие полосы талым снегом.

— Павел. Фамилии я не знаю. Он ходил сюда три раза. В первый раз был один, потом с мужчиной из управления. Тот не представился. У него на ключах был деревянный жетон с выжженной цифрой семь.

Рудин поднял голову.

— Такой жетон был у кладовщика школы. Ещё до закрытия.

— У какого кладовщика? — спросила Соня.

— Не помню фамилию. Старый список где-то должен быть.

Соня посмотрела на него.

— В архиве?

— В том, что осталось.

— На плане комната смотрителя отмечена у лестницы. Вы знали, кто там жил?

Рудин пожал плечами, но взгляд отвёл.

— Я не знал, что там кто-то живёт.

— А что вы знали?

Он не ответил. Ирина закончила фотографировать и вернула Соне телефон. На экране было четыре снимка. На последнем, крупном, у края печати проступала бледная полоса, похожая на след от другого листа.

— Тут что-то было сверху, — сказала Соня.

Ирина наклонилась к экрану.

— Я думала, пятно.

— Может быть. Но оригинал пока не трогаем.

Соня записала в блокнот время, место и то, кто присутствовал при съёмке. Затем попросила Ирину продиктовать, когда и при каких обстоятельствах письмо оказалось у неё. Девушка отвечала коротко: вещи деда передали после похорон, коробку с бумагами она не открывала почти год, письмо нашла накануне, когда искала документы на квартиру. Никаких эффектных подробностей. Только даты, названия улиц и одно уточнение: коробка была заклеена чужой бумагой, хотя дед сам никогда ничего не заклеивал.

— Павел знает, что вы нашли письмо? — спросила Соня.

— Наверное. Он приходил вчера. Я не открыла.

— Значит, сегодня может прийти снова.

Ирина побледнела, однако конверт не убрала.

— Я не хочу, чтобы вы меня охраняли.

— Я и не собираюсь решать за вас. Но если он появится, не оставайтесь с ним одна. Позвоните тому, кому доверяете, и попросите зафиксировать разговор. Не нужно подписывать ничего, что вы не успели прочитать.

— Это я знаю.

— Хорошо, — сказала Соня. — Тогда ещё вопрос. Вы упомянули школу. В бумагах было название?

Ирина посмотрела на Рудина.

— Он сказал, что дед собирался отнести туда вещи. В школу забытых фонарей. Но такой школы, как мне объяснили, не существовало.

Лев наконец поднял глаза.

— Существовала, — сказал Рудин. — Недолго. Это было неофициальное название. Так называли помещение при старом корпусе, где хранили вещи, оставленные после занятий. Потом там устроили комнату для дежурных.

— И что пропало? — спросила Соня.

Рудин медлил, но не из упрямства: он явно перебирал в памяти записи, которым прежде не придавал значения.

— Журнал выдачи. Не школьный журнал с оценками. Тонкая книга учёта. Кто брал ключи, кто возвращал, кто оставался после закрытия. После смерти Корнеева её искали. В описи значится, что книга была на месте.

— А фактически?

— Я не видел её там.

— Когда вы это поняли?

— Позже. В описи стояло моё подтверждение, но я подписал только верхнюю страницу. Не приложение.

Соня закрыла блокнот. Вот она, цена первого движения, которое никто не считал решающим: подпись под описью дала исчезнувшему предмету видимость сохранности. А отсутствие журнала оставило Ирину один на один с чужой версией смерти деда.

— Вы поставили подпись, не проверив приложение, — сказала она.

— Да.

Лев шагнул от лестницы, но остановился, когда Ирина напряглась.

— Я тоже подписывал сводные листы, — произнёс он. — В комиссии были люди, которым я доверял. Я решил, что они проверили документы. Это не оправдание. Но если в деле есть моя подпись, я найду копию и объясню, что именно удостоверил.

— Не здесь, — сказала Соня. — И не через Ирину.

Лев кивнул. Он не стал просить у девушки прощения за то, чего она не могла ему простить, и не стал добиваться разговора, на который не получил согласия.

Из коридора донёсся звонок телефона. Ирина вздрогнула, взглянула на экран и отвернулась.

— Незнакомый номер, — сказала она.

— Не берите, если не хотите, — ответила Соня.

Ирина сбросила вызов. Телефон почти сразу завибрировал снова. На этот раз девушка включила громкую связь и положила его на стол.

— Ирина, — произнёс мужской голос. — Я у входа. Нам нужно закончить с бумагами.

Она побледнела, но не выключила звонок.

— Я ничего не подпишу.

— Тогда хотя бы отдай письмо. Оно не твоё.

Соня не потянулась к телефону. Ирина сама нажала отбой, затем сразу набрала номер экстренной службы и назвала адрес. Голос у неё дрожал, но слова были разборчивы.

Рудин уже смотрел в сторону лестницы.

— Это Павел, — сказал он. — Он не должен знать, что письмо здесь.

— Теперь знает, — ответила Соня. — Значит, с этого момента мы фиксируем каждое действие.

Она попросила Ирину не открывать дверь и предложила позвонить соседке, которой та доверяла. Потом набрала номер дежурной части, назвала своё имя и сообщила, что в помещении находится человек, добывающийся подписи у свидетельницы, связанной с прежним делом о смерти. Не попросила увести Ирину и не назвала её беспомощной. Просто передала факты.

За дверью послышались шаги, потом короткий удар ладонью.

— Ирина! — позвал мужчина. — Ты же понимаешь, что без твоей подписи всё останется на тебе.

Девушка прижала пальцы к губам. Соня встала так, чтобы не заслонять ей выход и не оказаться между ней и телефоном.

— Это не согласие, — тихо сказала Ирина, скорее себе, чем другим. — Это угроза.

— Да, — ответила Соня. — И вы можете назвать её именно так.

Стук повторился, уже слабее. Потом шаги ушли вниз по лестнице. Никто не последовал за ними.

Лев остался на прежнем месте. Рудин опустил голову, будто только теперь понял, что пустая строка в бумаге не была пустотой: в неё собирались вписать чужое решение.

Ирина забрала конверт со стола и убрала во внутренний карман пальто.

— Копии у вас, — сказала она Соне. — Оригинал пока останется со мной.

— Так и запишем.

— А журнал?

— Сначала найдём опись и установим, кто последним видел его на месте, — сказала Соня. — Не будем искать его вслепую и не станем делать вид, будто один документ объяснит всё.

Ирина посмотрела на лестницу, за которой исчез мужчина.

— Я готова рассказать. Но не сегодня и не при Льве.

— Вы решаете, когда и кому, — сказала Соня.

За стеклом проступал настоящий рассвет. На столе осталась металлическая линейка Михаила Корнеева — самая обыкновенная вещь, которой он когда-то придерживал газетные строки. Теперь ею прижимали край листа с записью о звонке, и ни один из присутствующих не попытался назвать это случайностью.

Когда внизу хлопнула подъездная дверь, Ирина вздрогнула. Соня посмотрела на часы: прошло всего семь минут с вызова.

— Не открывайте, пока не услышите, кто именно, — сказала она.

— Я знаю.

Ирина ответила не резко, но и не испуганно. Она подошла к двери, спросила имя и попросила назвать номер экипажа. Голос за дверью подтвердил. Только тогда она отперла замок.

На площадке стояли двое сотрудников полиции. Они вошли, выслушали Ирину отдельно от остальных и записали её слова. Соня не подсказывала, не поправляла и не объясняла за неё. Когда один из полицейских спросил, хочет ли Ирина написать заявление, та попросила сначала зафиксировать звонок и приход Павла, а решение о заявлении оставить за собой до разговора с адвокатом.

— Хорошо, — ответил он. — Запишем именно так.

Лев всё это время молчал. У двери он держался в стороне, оставляя проход свободным. Соня заметила, что он снова и снова смотрит на конверт во внутреннем кармане Ирины, но ни разу не предложил забрать его на хранение.

Когда сотрудники ушли, в комнате стало тише, чем до их прихода. Ирина закрыла замок, проверила защёлку и прислонилась к двери спиной.

— Я не хочу оставаться одна, — сказала она. — Но и чтобы меня куда-то увозили, тоже не хочу.

— Позвоните соседке, — предложила Соня. — Если она согласится, вы проведёте утро у неё. Мы пока останемся здесь и разберём бумаги. Вы сможете вернуться, когда сами решите.

Ирина достала телефон. Разговор с соседкой занял меньше минуты. Та согласилась прийти за ней.

— А Павел? — спросил Рудин. Он говорил тихо, будто боялся снова вызвать его одним именем. — Если вернётся?

— Тогда вы не откроете и звоните в полицию, — сказала Соня. — Но не обязаны менять свои планы только потому, что он может прийти.

Ирина кивнула и села за стол. На листе под линейкой Михаила Корнеева Соня уже записала время звонка, слова мужчины и время его ухода. Теперь она добавила, что Ирина самостоятельно вызвала помощь и отказалась принимать решение о заявлении под давлением.

Рудин прочитал запись.

— Вы пишете так, будто это тоже часть описи.

— Это часть того, что произошло, — ответила Соня. — Если потом кто-то станет говорить, что Ирина сама согласилась, у нас будет точная последовательность.

Он провёл пальцем по краю листа, не касаясь написанного.

— Письмо у неё, копии у вас. А журнал пропал.

— Поэтому нам нужна опись.

Рудин открыл шкаф, достал из нижнего ящика связку папок и положил на стол. Пальцы у него дрожали, когда он развязывал бечёвку. Соня не торопила. На обложках стояли даты и

короткие пометки: «Корнеев», «помещение», «передача». Между ними оказалась тонкая папка в серой обёртке.

— Это не опись, — сказал Рудин. — Это выписки Михаила. Он делал их, когда готовил письмо.

— Где оригиналы?

— В архиве школы. То есть... должны быть.

— Когда вы их видели в последний раз?

Рудин посмотрел на Льва. Тот не отвёл взгляда.

— Осенью. Когда я передавал материалы для сверки.

— Кому?

— Павлу. Он тогда работал с архивом. Проверял, что можно оцифровать, а что нельзя.

Соня положила ладонь на папку, не открывая её.

— Вы передали документы без акта?

— Я думал, он составит.

— Думать — не то же самое, что получить акт.

— Знаю.

Это прозвучало без оправдания. Рудин достал очки и надел их. В серой папке лежала таблица с номерами листов, кратким содержанием и пометками о состоянии. Соня просмотрела первые страницы. Среди обычных записей о ведомостях, письмах и ключах три строки были подчёркнуты красным карандашом.

«Журнал согласий — том второй. Передан Корнееву для проверки».

«Запечатанный конверт, надпись: “Ночь решающего выбора”. По описи не вскрывать».

«Настольный звонок, латунь. Учебная комната. На месте».

— Что значит “передан Корнееву”? — спросил Лев.

Рудин наклонился к листу.

— Михаил не мог держать журнал постоянно. Он забирал его для работы с копиями.

— В таблице указано, что он вернул его? — спросила Соня.

Рудин перелистнул страницу, затем ещё одну. Строки о возврате не было.

Лев посмотрел на подчеркнутую запись о звонке.

— Это тот самый предмет?

— Какой? — спросил Рудин.

— Настольный звонок. В описи он отмечен в учебной комнате. Вы его помните?

Рудин нахмурился.

— Я думал, его давно нет. Обычная канцелярская вещь. Мелкая, тяжёлая. Им звали дежурного, когда не хотели выходить в коридор.

— Где он сейчас? — спросила Соня.

— Не знаю.

— В описи он отмечен как находящийся на месте. Есть более поздняя запись?

Рудин перебрал листы. Последняя отметка о звонке была датирована тем же днём, когда Павлу передали архив. Под таблицей стояла подпись, но не Павла и не Корнеева. Соня прочитала фамилию: «С. А. Вельская».

— Кто это?

— Секретарь школы, — сказал Рудин. — Она принимала материалы, когда Михаил заболел. Умерла три года назад.

У двери послышались шаги. Ирина поднялась, но это была соседка: она назвала себя ещё с площадки. Ирина надела пальто и забрала конверт. Перед выходом задержалась у стола.

— Если в письме есть что-то обо мне, не читайте без меня.

— Не будем, — сказала Соня.

Ирина встретила взглядом с Рудиным.

— И не просите меня подтвердить чужую версию только потому, что вам так проще закрыть дело.

Рудин опустил глаза.

— Не попрошу.

Когда дверь за Ириной закрылась, Соня вложила таблицу в прозрачный файл. Лев подал ей линейку Корнеева, но она покачала головой.

— Оставьте. Она прижимает запись, и это зафиксировано.

Он положил её на место.

— Павел имел доступ к архиву, — сказал Лев. — Но это ещё не доказывает, что он забрал журнал.

— Нет. И подпись Вельской ничего не доказывает сама по себе. Нужно найти оригинал описи, выяснить, кто расписывался при передаче и что именно Павел получил.

— А звонок?

Соня посмотрела на строку «на месте». Впервые за утро обычная вещь перестала быть просто вещью: её присутствие подтверждали документом, составленным в тот самый день, когда пропал след журнала.

— Его проверим вместе с помещением, — сказала она. — Не станем объявлять пропажу, пока не увидим, что там осталось.

Рудин подтянул к себе лист с копией таблицы.

— Я поеду с вами.

— Поедете, если готовы назвать полиции то же, что рассказали нам: вы передали архив без акта и не знаете, вернулся ли журнал.

Он медленно кивнул.

За окнами светлело. На столе лежали копии, запись о ночном звонке и перечень вещей, которым предстояло снова стать предметами расследования. Соня убрала файл в сумку. Теперь у них было не только исчезновение, но и дата, имя ответственного за передачу и документ, связывавший пропажу с последним известным осмотром.

До школы они добрались, когда над Серебряной Гаванью уже проступили крыши и мокрые карнизы. Рудин всю дорогу молчал. Соня не торопила его: молчание не было признанием, а вопросы имело смысл задавать там, где на них могли ответить документы.

Старое здание занимало угол между переулком и набережной. На двери висела табличка районного архива; ниже кто-то прикрепил листок с часами приёма. Они оказались у входа раньше открытия. Лев посмотрел на часы, затем на Соню.

— Можно пока поговорить с Рудиным.

— Мы уже поговорили.

— Не о том, почему он отдал архив Павлу.

Рудин отвернулся к окну. Снаружи рабочий снимал с козырька мокрые листья длинной щёткой. Он двигался медленно, будто не хотел тревожить ни стекло, ни тишину.

— Я не отдал ему журнал, — сказал Рудин. — Передал коробки. Павел обещал составить акт позже. Тогда я считал это обычной небрежностью.

— А теперь?

— Теперь понимаю, что мне удобно было не уточнять. Михаил болел. Павел сказал, что сам разберётся. Я знал, что на него можно переложить неприятное.

Соня достала из сумки прозрачный файл, но не вынула таблицу.

— Это объясняет, почему вы не составили акт. Не доказывает, что именно он забрал журнал.

— Я знаю.

Рудин произнёс это без раздражения. Соня отметила про себя: он не оправдывался и не пытался заменить один пробел другим. Но она не стала смягчать голос.

— Если нас спросят, вы скажете именно так. Без слов «наверное» и «возможно» там, где помните точно. И не станете угадывать там, где не помните.

— Скажу.

Лев подвинул к себе стул, но сел не напротив Рудина, а рядом с Соней. Между ними осталось достаточно места, чтобы не задеть её локоть.

— А если полиция спросит, почему вы проверяете архив раньше неё? — спросил он.

— Тогда ответим правду: сверяем опись. Ничего не выносим, никого не допрашиваем без согласия.

— Ты не обязана каждый раз перечислять границы, — тихо сказал Лев.

— Обязана, если их начинают считать препятствием.

В его лице мелькнуло что-то знакомое ей по прошлым разговорам: он хотел возразить, но сначала проверял, не собирается ли сказать за неё. Потом кивнул.

— Справедливо.

Рудин посмотрел на них обоих, но ничего не спросил. Соня не знала, что он успел заметить, и не собиралась разьяснять ему их отношения. Они с Львом ещё не договорились ни о чём, что можно было бы назвать будущим. Пока между ними были работа, осторожность и несколько разговоров, в которых каждый оставлял другому право отойти.

Когда архив открылся, их встретила женщина с коротко подстриженными седыми волосами и бейджем «Анна Борисовна». Рудин поздоровался первым. Соня представилась и объяснила, что им нужен доступ к комнате, где раньше принимали заявления школы.

— Помещение не обслуживает читателей, — сказала Анна Борисовна. — Там хранится мебель и коробки до плановой проверки.

— Мы ничего не будем перемещать, — ответила Соня. — Нам нужно сверить фактическое наличие предметов с копией описи. Вот запрос и вот копия страницы.

Женщина надела очки, долго читала, задержав палец у строки с подписью Вельской.

— Вы родственники школы? — спросила она.

— Нет. Мы проверяем передачу материалов. Рудин работал с архивом.

— Тогда без заведующей ничего обещать не могу.

Она ушла в кабинет. Соня не стала заполнять ожидание разговором. Лев встал у окна; Рудин остался сидеть, стиснув руки между коленями. Когда Анна Борисовна вернулась, рядом с ней шла полная женщина в бордовой кофте. Она представилась заведующей, выслушала их и согласилась открыть комнату при условии, что они будут работать при ней.

Коридор пах мокрой штукатуркой и пылью. Дверь в бывшую приёмную открылась не сразу: ключ провернули дважды. Внутри стояли стеллажи, стол без ящиков и несколько стульев, накрытых тканью. У стены высилась стопка картонных коробок с номерами на торцах.

— Где стоял звонок? — спросила Соня.

Рудин осмотрел стол.

— На левом углу. Рядом с папкой входящих заявлений.

На столе оставался бледный круглый след, будто когда-то там стояло тяжёлое основание. Соня не коснулась его. Наклонилась, сравнила размер с описанием в описи, затем попросила заведующую дать ей линейку. Круг был шире обычного канцелярского звонка, но по одному следу нельзя было установить ни форму предмета, ни то, когда его убрали.

— Здесь его нет, — сказал Лев.

— Пока мы установили только, что на столе он не стоит.

— Я и не говорю, что его украл.

Заведующая прищурилась:

— В перечне имущества звонка нет. Мы проверяли столы, лампы, сейфы. Мелочь могла не попасть в новую опись.

— Но в старой он отмечен, — сказала Соня. — Мы не утверждаем, что предмет пропал. Просим проверить, не поступал ли он отдельно или в составе другой коробки.

Женщина скрестила руки. Её раздражение было понятным: незнакомые люди пришли из-за вещи, которую нынешний архив мог не считать своей. Соня не пыталась превратить это раздражение в согласие.

— Можно посмотреть журнал поступлений за последние годы? — спросила она. — Только записи по мелким предметам и прежней школе.

Заведующая помедлила, затем велела Анне Борисовне принести журнал. Пока та ходила, Лев держал дверь открытой. Рудин стоял у стола, не приближаясь к нему. Соня проверила стеллажи взглядом, не трогая коробок. На одной из них был выцветший ярлык: «Школа. Личные дела. Без срока».

Она указала на него заведующей.

— Что значит «без срока»?

— Старый ярлык. Вероятно, чьи-то личные дела.

— Можно сверить номер с журналом, когда его принесут?

— Можно, если номер читается.

Журнал оказался увесистым, в зелёной обложке. Анна Борисовна положила его на стол и осталась рядом. Соня нашла записи о поступлениях от прежней школы, потом перечень временно принятых предметов. На последней странице нужного раздела значился звонок: «медный, настольный, без номера». В графе отправителя стояло «С. А. Вельская». В графе получателя — подпись, которую Соня уже видела на копии описи: та же фамилия, но инициалы были другие.

— Здесь написано «С. А. Вельская», — сказала она. — А подпись в таблице не совпадает с этой записью.

Анна Борисовна наклонилась над журналом.

— Значит, принимала не она?

— Или расписался другой человек. Нам нужно увидеть оригинал листа, если он сохранился.

Заведующая посмотрела на Рудина.

— Вы знали, что предмет поступал отдельно?

— Нет.

— А журнал школы где?

— Я не знаю.

Соня закрыла журнал, не прижимая ладонь к обложке.

— Тогда у нас есть подтверждение, что звонок поступил в архив отдельно, и несоответствие в подписи. Но нет подтверждения, что он отсюда ушёл или что его забрал Павел.

Лев посмотрел на неё. В его взгляде было согласие, но не облегчение: ещё одна аккуратная запись оставляла пропажу без ответа.

Анна Борисовна предложила сверить номер коробки с реестром хранения. Соня согласилась, а затем уточнила, можно ли сделать копию страницы журнала с отметкой архива. Заведующая разрешила, при условии что копия останется у неё в деле. Рудин молча расписался в журнале посетителей.

Когда принесли реестр, нужной коробки в нём не оказалось. Зато в соседней строке, под тем же номером помещения, значился предмет, который ранее не упоминался ни в одной из их копий: «подставка металлическая, круглая, без опознавательных знаков». Дата поступления была та же, что и у звонка.

Соня ещё раз посмотрела на бледный след на столе. Подставка могла быть основанием звонка, а могла оказаться отдельной вещью. Ни форма записи, ни совпадение даты не позволяли решить за документы то, чего они не говорили.

— Где хранится эта подставка? — спросила она.

Анна Борисовна открыла реестр на следующей странице. Напротив предмета стояло: «выдано для сверки, возврат не отмечен».

Рудин побледнел.

— Кому выдали?

Заведующая нашла нужную строку. Имени там не было. Только номер пропуска и дата, поставленная за два месяца до смерти Вельской.

Соня попросила снять копию и этого листа. Теперь у них появилась не просто пропажа, а подтверждённая цепочка: звонок поступил с подписью, которую ещё предстояло проверить, а его возможная часть покинула помещение без указанного получателя. Когда заведующая поставила печать на копиях, Соня убрала их в отдельный файл.

— Мы не будем называть это кражей, — сказала она Рудину. — Но теперь обязаны выяснять, чей был пропуск.

— Я поеду с вами, — отозвался он.

— Сначала вы сообщите полиции о том, что нашли. Потом решим, куда ехать.

Рудин посмотрел на дверь комнаты, затем на журнал посетителей, где только что оставил свою подпись.

— Хорошо.

Они вышли из архива с копиями, которые уже нельзя было принять за пустую догадку: на одной странице начинался след звонка, на другой он обрывался на безымянном пропуске.

Глава 2. Правило, которого не было

Из архива они вышли в одиннадцатом часу. Дождь прекратился, но Серебряная Гавань ещё блестела, словно город успели вымыть и забыли вытереть: на булыжниках лежали полосы света, в лужах дрожали окна, а с крыш неторопливо падали последние капли.

Соня прижала к боку папку с копиями. На верхнем листе темнели печать и дата. Ниже — номер пропуска, за которым пока не было ни имени, ни объяснения.

Рудин задержался у ступеней.

— Я правда сообщу в полицию, — сказал он. — Не потому, что вы велели.

— Хорошо. Это должно быть вашим решением.

Он кивнул и направился к остановке. Соня проводила его взглядом, пока тот не скрылся за углом, затем достала телефон. От Льва пришло сообщение: «Нашёл кое-что. Не по телефону. Буду у старого почтамта через двадцать минут».

Она перечитала его дважды. Коротко, без объяснений. Не просьба о доверии и не попытка распоряжаться её временем.

Соня написала: «Буду».

У старого почтамта ветер тянул с набережной сыростью и запахом водорослей. Лев стоял под козырьком, держа в руке плоскую картонную папку. Пальто на нём было расстёгнуто, воротник рубашки сбился набок. Он выглядел усталым, но не торопился заговорить.

— Ты пришёл раньше, — заметила Соня.

— Хотел проверить, что документ на месте. — Он поднял папку. — И что я не перепутал даты.

— Проверил?

— Трижды.

Она раскрыла свою папку и показала копию листа с номером пропуска.

Лев посмотрел на запись, потом на неё.

— Это тот самый номер?

— Пока только номер. Рудин подтвердил, что лист нашли в папке с журналами. Оригинал остался в архиве.

— Значит, ты не взяла его с собой.

— Конечно.

В его лице мелькнуло облегчение. Оно тут же исчезло, сменившись прежней сосредоточенностью.

— Тогда вот моё независимое свидетельство.

В папке лежала заверенная копия старой ведомости телефонных соединений. Бумага пожелтела по краям, но печать сохранилась. В верхней строке значилось название городской службы связи. Ниже шли дата, время и номер помещения, откуда поступил звонок. Рядом стоял номер пропуска — тот же, что на архивном листе.

Соня не коснулась бумаги сразу.

— Откуда это?

— Из семейных бумаг матери. Она работала в справочной при телефонной станции. Ведомость сохранилась среди документов, которые я разбирал после её смерти. Я узнал дату, когда услышал её в архиве.

— Ты знал, что у неё были такие записи?

— Нет. И сам не искал. — Лев отвёл взгляд к тёмным окнам почтамта. — Я не хочу, чтобы это звучало как оправдание.

— Не звучит. Но ты принёс документ, который может касаться дела. Мне нужно понимать, откуда он взялся и кто к нему имел доступ.

Он назвал имена двоих родственников, помогавших разбирать вещи, и нотариуса, принимавшего опись. Соня записала их в блокнот.

— Оригинал у тебя?

— Да. Я никому не давал его выносить. Копию сделал сегодня в присутствии нотариуса.

— Почему не принёс оригинал?

— Пока не знаю, кому его передавать. И не хотел отдавать единственный экземпляр, не получив подтверждения, что его примут как доказательство.

Это было разумно. Не достаточно, чтобы считать документ подлинным, но достаточно, чтобы не отмахнуться.

Соня сопоставила строки. Дата в ведомости была на один день раньше даты, указанной рядом с пропуском в архиве. Время звонка совпадало с записью о передаче части документов из помещения. Она провела ногтем под строчками, не касаясь чернил.

— Здесь разные даты.

— Да. Я заметил. Сначала решил, что перепутал страницу. Но ведомость прошита, номера листов идут подряд. Сдвиг получается ровно на один день.

— А часы?

— В журнале указаны местные. На телефонной станции — время регистрации соединения. Мать иногда ставила отметку позже, когда заносила сведения в ведомость. Но в этом случае рядом есть помета: «передано сразу».

Соня подняла глаза.

— Ты уверен, что почерк её?

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным в копии. Сравнил с письмами и другими ведомостями. Это её рука.

— А кто ещё мог писать на этом листе?

— Не знаю.

Ответ прозвучал просто. Лев не пытался заменить пробел догадкой.

Соня вернулась к помете. Чернила расплылись у последнего слова, но прочесть его можно было. «Сразу». Звонок зарегистрирован за сутки до даты пропуска, а отметка о передаче сделана в день, следующий за звонком. Между ними оставалось достаточно времени, чтобы не считать совпадение случайностью, и недостаточно, чтобы утверждать, будто кто-то специально подогнал даты.

— Ты сказал «независимое свидетельство». Ведомость подтверждает звонок, но не то, что пропуском воспользовался конкретный человек.

— Я знаю.

— И не подтверждает, что звонивший распорядился вынести документ.

— Этого тоже нет.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Тогда почему ты решил, что это важно?

Лев положил ладонь на край папки.

— Потому что среди семейных бумаг есть письмо. Оно было вложено в ведомость, но не упомянуто в списке. Подписано Вельской. Там сказано, что «согласие на передачу не может считаться общим, если его дали за того, кто отсутствовал». Я не понимаю, о каком именно решении речь. Но дата письма близка к записи.

Соня не сразу протянула руку.

— Письмо у тебя?

— Да. Оно старое, и бумага хрупкая. Я не хочу раскрывать его здесь.

— Правильно.

— Но я могу показать конверт и дату.

Он достал второй прозрачный файл. На конверте стоял знакомый почерк и выцветший штемпель. Адрес был указан на имя матери Льва. Дата отправления — через четыре дня после звонка.

Соня прочла имя отправителя.

— Вельская писала твоей матери?

— Похоже на то.

— Ты раньше встречал её имя в семейных документах?

— Нет.

Над площадью пронёсся трамвай. Стёкла почтамта коротко задребезжали. Лев убрал конверт, но Соня заметила, как он сжал пальцы на файле. В его лице не было страха перед тем, что письмо докажет. Скорее опасение, что оно поставит под сомнение то, что он считал о своей семье известным.

— Твоя мать могла быть связана с архивом не только через телефонную станцию, — сказала Соня.

— Могла. Но я не буду делать вид, что это уже что-то значит.

— И я не буду.

Он наконец посмотрел на неё.

— Ты думаешь, я принёс это слишком поздно?

— Я думаю, что ты принёс тогда, когда решил, что можешь отвечать за то, что отдаёшь.

Но теперь нам нужно проверить происхождение письма, ведомости и записи в архиве отдельно друг от друга.

— Вместе?

— Вместе — если ты не будешь подталкивать очевидцев к удобным ответам. И если согласишься передать оригинал на экспертизу, когда мы установим, кто вправе его принять.

Лев помолчал.

— Согласен.

— Это не значит, что я заранее верю твоей версии.

— Я и не прошу.

Соня убрала копию ведомости в отдельный файл, не смешивая её с архивными документами. Теперь у них были две записи из разных источников и письмо, которое связывало имена, но не объясняло связи. Вопрос о пропуске перестал быть безличным: среди людей, чьи бумаги могли пролить свет на его владельца, оказалась мать Льва.

Он не отступил от этого факта и не попытался закрыть его своей честностью. Соня тоже не стала смягчать его цену.

— Завтра сначала найдём человека, который заверял ведомость на станции, — сказала она. — Потом проверим дату у архивистов. Никаких разговоров о том, что кто-то «навверняка» сделал.

— А письмо?

— Не вскрываем без свидетеля и фиксации состояния.

Лев осторожно кивнул. Они спустились с крыльца и пошли вдоль набережной, не касаясь друг друга. На углу Соня остановилась, чтобы убраться блокнот.

— Есть ещё одна помета, — сказала она. — В архивном листе номер пропуска записан не теми чернилами, что дата.

Лев нахмурился.

— То есть запись могли внести позже?

— Могли. Или использовали другую ручку. Пока это только наблюдение.

— Значит, надо выяснить, кто сверял журнал после передачи документов.

— Да. И кто имел к нему доступ.

Соня закрыла блокнот. Теперь у них был следующий адрес — не догадка, а конкретный человек, чья подпись стояла внизу ведомости телефонной станции. Но вместе с ним расследование вошло в дом Льва и задело память о женщине, которой он больше не мог задать ни одного вопроса.

Утром Соня пришла на телефонную станцию раньше Льва. У проходной пахло мокрым камнем и угольным дымом; ночной дождь оставил на ступенях неглубокие лужи. За стеклом дежурный сверял пропуска, не торопясь поднимать голову.

Соня показала ему копию ведомости.

— Нам нужен человек, который заверял передачу документов в тот день. Подпись — внизу страницы.

Дежурный прочёл фамилию и наконец посмотрел на неё.

— Павел Ильич? Он больше здесь не работает.

— Вы знаете, где его найти?

— В мастерской у старого депо. Он часы чинит. Только не уверен, что захочет говорить. После закрытия станции многие не любят, когда их вспоминают.

— Мы не просим его вспоминать. Только сверить подпись и дату.

Мужчина ещё раз взглянул на копию, будто надеялся найти на ней повод отказать, затем записал адрес на клочке бумаги. Соня поблагодарила и отступила от окошка. В этот момент подошёл Лев, застёгивая пальто на ходу.

— Нашли?

— Адрес. Он мастер часов, у депо.

— Я мог бы поговорить с ним один.

— Мог бы, — согласилась Соня. — Но не будешь.

Лев чуть заметно усмехнулся, без веселья.

— Я и не собирался. Просто проверял, насколько ты готова мне доверять.

— Доверие не измеряется тем, кого мы оставляем наедине с очевидцем.

Они взяли трамвай до депо. В вагоне было тепло, окна запотели; за стеклом медленно проплывали серые фасады и вывески, мокрые от дождя. Лев держал файл на коленях. Он не пытался заговорить о письме, и Соня не заполняла тишину вопросами. Между ними лежали документы — не преграда, но и не обещание.

Мастерская нашлась в низком кирпичном здании за бывшим складом. На двери висела табличка с выцветшими буквами: «П. И. Веденин. Часы. Замки». Внутри тикали десятки механизмов. Тихий, нестройный звук напоминал дождь, который никак не может закончиться.

Пожилой мужчина сидел у верстака, склонившись над карманными часами. На стук он поднял глаза, но отвёртку из пальцев не выпустил.

— По какому делу?

Соня представилась и объяснила, что ищет человека, заверявшего ведомость телефонной станции. Веденин положил отвёртку, вытер руки о серую тряпку и выслушал её до конца.

— Станция закрыта давно.

— Ведомость относится к периоду незадолго до этого. Мы не просим вас делать выводы. Хотим установить, ваша ли подпись и верно ли записана дата.

— А вы кто ему? — спросил Веденин, кивнув на Льва.

— Мы работаем по одному делу, — ответила Соня.

Лев не стал объяснять, почему его присутствие может иметь значение. Веденин перевёл взгляд с него на Соню и протянул руку к бумаге.

— Копия?

— Да. Оригинал хранится у Льва.

— Тогда оригинал и покажете. По копии только пятна угадывать.

— Мы можем договориться о его осмотре, но сегодня у нас с собой только заверенная копия.

Веденин посмотрел на неё с недоверием, затем на подпись.

— Похоже на мою. Но «похоже» в таких делах мало. Я ничего не подтверждаю, пока не увижу первичный документ.

Соня кивнула. Она ожидала отказа, но не ожидала, что он так быстро отделит память от доказательства.

— Тогда можно задать несколько вопросов о процедуре? Не о содержании ведомости.

— Если коротко.

— Кто обычно заверял передачу журналов?

— Дежурный по смене. Я принимал пакет, проверял целостность печати и расписку. Если печать повреждена, вписывал замечание.

— В той ведомости замечание есть?

— На копии не вижу.

— А номер пропуска кто вносил?

Веденин нахмурился.

— Ведомость была уже заполнена, когда её принесли. Я не переписывал чужие записи.

— Вы помните, кто принёс?

— Много лет прошло.

Соня не стала повторять вопрос. Она достала блокнот и записала его слова, не подталкивая к имени.

Лев до сих пор молчал. Теперь он вынул из папки сложенный лист, но не раскрыл его.

— Я принёс независимое свидетельство, — сказал он. — Не прошу вас подтверждать его содержание. Только посмотреть на дату.

Соня резко взглянула на него. Они договаривались не смешивать источники, пока не установят, кто вправе принять письмо и как зафиксировать его состояние. Лев не нарушил обещание буквально: он не собирался раскрывать конверт. Но сам лист мог изменить разговор.

— Что это? — спросил Веденин.

— Запись из семейных бумаг. На ней указана дата передачи документов со станции. Я не знаю, кто её сделал и насколько она достоверна.

— Тогда зачем показывать?

— Чтобы проверить, совпадает ли дата с вашей ведомостью.

Соня удержалась от возражения. Лев предложил не доказательство, а проверку, и решение о том, показывать ли лист, оставалось за ним. Но она не могла позволить, чтобы такой шаг превратился в давление на очевидца.

— Мы не будем использовать его ответ как подтверждение происхождения записи, — сказала она. — И сначала зафиксируем, что это отдельный семейный документ.

Лев развернул лист на краю верстака, не выпуская его из рук. Бумага была желтоватая, с короткой строкой и датой. Веденин наклонился, не касаясь листа.

— Дата правильная, — сказал он. — Передачу принимал я.

— Вы уверены? — спросил Лев.

— Да. Потому что в тот день смена задержалась из-за отключения. Мы уже закрыли журнал, а потом пришлось вносить возврат ключей. Я помню не дату, а этот бардак. Дату проверил по календарю смен, когда вы её показали.

Соня записала его слова.

— Кто принёс пакет?

Веденин снова посмотрел на строку, потом на свою ладонь, словно там могла сохраниться старая отметка.

— Женщина. Не сотрудница станции. Её сопровождал молодой человек с пропуском.

Лев чуть заметно напрягся.

— Вы помните её?

— Лица — нет. Помню, что она спорила со мной о расписке. Говорила, что в пакете не только журнал, но и отдельный лист, который нельзя оставлять без отметки. Я сказал, что отвечаю за печать и передачу, а не за то, как у них составлены бумаги.

— Она назвала себя? — спросила Соня.

— Может быть. Не поручусь.

— А молодой человек?

Веденин покачал головой.

— Я запомнил пропуск. Номер был вписан от руки в журнал допуска, потому что его карточка не сработала. После смены я отметил это в своём блокноте.

Соня не двигалась.

— Блокнот сохранился?

— Не знаю. Дома, возможно. Я вёл его несколько лет, пока не ушёл со станции. Но даже если найду, это будет моя запись, не официальный журнал.

— Мы понимаем. Можно будет посмотреть её с фиксацией и без изъятия?

Веденин помолчал, затем кивнул.

— Приходите завтра после полудня. Я поищу.

Лев сложил лист обратно.

— Спасибо.

— Не благодарите, пока не нашли ничего, — отрезал Веденин. — И не делайте из этого то, чего я не сказал. Я подтвердил дату, не человека и не пропуск.

— Именно это мы и запишем, — сказала Соня.

На улице дождь прекратился. Ветер гнал по дороге тонкие ветки и мокрые листья. Соня остановилась у стены, чтобы внести в блокнот время разговора и точные слова Веденина. Лев ждал рядом.

— Ты решил показать лист без обсуждения, — сказала она, закончив запись.

— Да.

— Почему?

— Потому что мы получили независимое совпадение. Если бы я промолчал, мы ушли бы, не зная, что он способен подтвердить дату.

— Он подтвердил её только после того, как увидел запись. Это не независимое подтверждение содержания листа.

— Согласен. Но обстоятельства передачи он вспомнил сам, хотя и после того, как я показал лист.

Соня закрыла блокнот.

— Именно после. Это важно: мы не можем считать его воспоминания независимыми от показанной записи.

— Я не собирался скрывать порядок.

— Хорошо. Тогда запишем оба.

Лев посмотрел на трамвайную остановку. На пальто у него темнело пятно от дождя.

— Я боялся, что ты запретишь мне использовать бумаги матери, — сказал он.

— Я не могу запрещать тебе. Но могу не соглашаться считать их достоверными без проверки.

— Ты думаешь, это её почерк?

— Пока не знаю. И не хочу угадывать.

— Понятно.

Он произнёс это спокойно, однако его пальцы снова сжались на файле. Соня заметила, но не стала спрашивать, что он чувствует. Вопрос не принадлежал делу, пока Лев сам не решит его задать.

— Завтра мы увидим блокнот, если он найдётся, — сказала она. — Потом запросим оригинал ведомости. И только после этого решим, как обращаться с семейным листом.

— Вместе?

— Если ты готов принять, что ответ может оказаться не тем, которого ты боишься, и не тем, на который надеешься.

— Готов.

— Это не одно и то же, что быть готовым поверить.

Лев задержал на ней взгляд.

— Я знаю.

Трамвай подошёл, звякнув на повороте. Соня первой поднялась на ступеньку, но у входа обернулась. Лев всё ещё стоял у края тротуара, будто ему требовалась секунда, чтобы выбрать не направление, а меру участия.

— Ты едешь? — спросила она.

— Да.

Он вошёл следом. Они сели у разных окон. В блокноте Сони появилась первая проверенная точка: дату передачи подтвердил человек, принимавший пакет. Но имя женщины и номер пропуска оставались неизвестными, а семейная запись Льва теперь вмещалась в расследование не как ответ, а как источник, который предстояло проверить наравне с остальными.

Утром Соня пришла в архив раньше назначенного времени. В коридоре ещё пахло мокрой штукатуркой: ночью где-то на верхнем этаже протекла труба, и уборщица расставила вдоль стены широкие тазы. В одном с редкими каплями падала вода.

Лев уже ждал у окна. На подоконнике лежал его файл, прижатый к стене, чтобы сквозняк не раздувал листы.

— Ты давно здесь? — спросила Соня.

— Минут десять.

— И что успел решить?

— Что не стану показывать Веденину запись матери ещё раз.

— Хорошее решение.

— Не хвали. Я просто понял, что второй раз он подтвердит только то, что уже увидел.

Соня сняла перчатки. Вчерашний разговор не давал ей покоя: Веденин помнил передачу пакета и пропуск молодого человека, но не мог назвать женщину; номер пропуска ещё предстояло проверить по записям. Если они позволят семейному листу занять место документа, дело быстро превратится в спор о памяти. Для этого спору не требовалось даже злого умысла.

Заведующая архивом провела их в маленькую комнату для работы с каталогами. На столе уже лежали два тома: журнал выдачи пропусков за нужный период и тетрадь дежурного. Соня проверила, не нарушена ли пломба на коробке с материалами. Пломба была цела, номер совпадал с отметкой в акте.

— Блокнот Вельской нашли вчера вечером, — сказала заведующая. — Он оказался не в коробке, а между обложкой и корешком инвентарной книги. Такое случается, когда бумаги собирают в спешке. Внутри его не вкладывали, поэтому в описи он не значился.

— Кто обнаружил? — спросила Соня.

— Я. При двух сотрудников. Составили акт, время указано.

Она протянула копию. Соня сверила подписи и время, затем положила лист отдельно от остальных бумаг.

Блокнот был тонкий, в серой клеёночной обложке. На ней остались светлые прямоугольные следы от наклейки, а нижний угол потемнел от сырости. Заведующая открыла его на странице, отмеченной закладкой.

Соня не стала листать дальше. Сначала осмотрела страницу снаружи, записала номер листа и спросила, можно ли снять копию. Получив разрешение, достала телефон и включила съёмку.

— Не снимайте соседние записи, — предупредила заведующая. — Это личные заметки, к делу относится только отмеченный фрагмент.

— Понимаю.

В строке, написанной синим карандашом, стояла дата. Ниже Вельская оставила короткую помету: «пакет передан дежурному, до звонка». Последние два слова были подчёркнуты. Рядом шёл номер, но не пропуска — номер телефона, набранный с исправлением одной цифры.

Соня увеличила изображение на экране. Карандашные штрихи в исправленной цифре были не темнее основного текста; рядом не было ни имени, ни инициалов.

— Это может быть номер внутренней линии, — сказал Лев.

— Может. Но сначала проверим, — ответила Соня. — И не будем соединять его с тем пропуском только потому, что оба появились в одном деле.

Лев молча кивнул.

Заведующая достала регистрационный справочник старой телефонной станции. В нём не было фамилий, только номера кабинетов и линий. Они нашли нужный номер в таблице за тот год. Он принадлежал комнате дежурного в корпусе бывшей школы.

— Веденин работал там? — спросила Соня.

— Не в тот год, — ответила заведующая. — Его фамилия появляется позже.

Номер давал им место, но не человека. Соня записала источник и попросила копию страницы справочника. Когда они закончили, заведующая аккуратно закрыла блокнот и убрала его в защитный конверт.

— Теперь журнал выдачи? — спросил Лев.

Соня уже открыла нужный том. Строка на дату, отмеченную Вельской, была заполнена неразборчиво. В графе «получатель» стояла короткая черта, в графе «основание» — «запрос администрации». Номер пропуска совпадал с тем, что они видели в копии журнала посетителей. Ниже другой рукой было добавлено: «возврат не отмечен».

Лев подался к столу, но не прикоснулся к странице.

— Значит, пропуск забрали из школы?

— Значит, его выдали по запросу администрации, — поправила Соня. — А кто забрал и вернул ли, запись не говорит.

Заведующая перелистнула страницу к концу тома. Там обнаружился лист сверки: по пропуску был оставлен незакрытый долг, и через три дня после выдачи номер внесли в перечень отсутствующих.

— Этот лист делали при годовой проверке, — сказала она. — Подпись ответственного есть на обороте. Могу дать заверенную копию обеих сторон.

Соня посмотрела на дату. Три дня спустя Вельская ещё числилась в штате; это подтверждали бумаги, которые они получили вчера. Она не могла знать, исчез ли пропуск случайно, был ли он у человека, который его получил, или его оставили без возврата сознательно. Но теперь становилось ясно: пропуск не просто мелькнул в архивной записи. Его отсутствие заметили и внесли в официальный перечень.

— Это меняет положение, — сказал Лев.

— Да. Но не ответ.

— Ты думаешь, мать знала, что его не вернули?

Соня не сразу ответила. Лев смотрел на конверт, в который заведующая убрала блокнот Вельской.

— Здесь нет ничего о твоей матери, — сказала она. — Ни её имени, ни указания, что ей сообщили о пропаже. Чтобы узнать, видела ли она акт, нужен журнал рассылки или её подпись.

— А если она скрыла, что видела?

— Тогда будем искать подтверждение этому. Но запись Вельской за неё не отвечает.

Лев отвёл взгляд к окну. За стеклом дворник сгребал мокрые листья с дорожки, оставляя на плитах тёмные полосы.

— Я всю дорогу думал, что мамин лист доказывает одно, — сказал он. — Что она была там и пыталась кого-то защитить. Теперь уже не понимаю, что он доказывает.

— Посмотрим его отдельно, — сказала Соня. — Номер телефона мы нашли у Вельской, не у твоей матери. И даже почерк в блокноте ещё нужно сравнить с другими записями Вельской. Не будем связывать две бумаги раньше времени.

Лев достал свой файл, но не открыл его.

— Я принёс лист, чтобы показать тебе. Не хочу, чтобы он снова стал единственной бумагой, вокруг которой крутится всё дело.

— Тогда положим его рядом с остальными источниками. Не выше и не ниже.

Он посмотрел на неё, словно собирался что-то добавить, но остановился. Соня не торопила его. Их договорённость не требовала от Льва рассказывать о матери больше, чем он готов, и не превращала его молчание в доказательство.

Заведующая тем временем подготовила копии страниц журнала и справочника. На каждой поставила отметку о заверении. Соня проверила, чтобы на копии блока сохранились края листа и номер страницы, затем попросила включить в акт и сведения о пломбе на коробке.

Когда они вышли из комнаты, Лев задержался у порога.

— Ты поедешь в корпус бывшей школы?

— Не сегодня. Сначала запросим документы о выдаче и попробуем установить, кто отвечал за ту линию. А потом пойдём туда с конкретными вопросами.

— Я могу найти старый адрес.

— Найди адрес, но не звони никому от имени архива и не обещаю, что мы знаем больше, чем знаем.

— Понял.

Он произнёс это без обиды. На этот раз файл остался закрытым у него под рукой.

В коридоре Соня сверила часы и внесла в блокнот новые точки: номер внутренней линии, запись о незакрытом пропуске, перечень отсутствующих. Рядом поставила вопросительный знак — не как украшение сомнения, а как запрет делать вывод раньше времени.

На выходе Лев придержал дверь. Соня прошла первой, унося заверенные копии в отдельной папке. Теперь у пропуска была подтверждённая история: его выдали, не зафиксировали возврат и позднее внесли в список отсутствующих. Человека, который унёс его из комнаты дежурного, они всё ещё не знали.

У выхода из архива Соня не стала сразу спускаться к набережной. Она остановилась под каменным козырьком и раскрыла блокнот на чистой странице.

— Адрес бывшего корпуса у тебя есть?

Лев достал телефон.

— Есть. Улица Кленовая, девять. Но это не всё.

— Что ещё?

Он не ответил сразу. В телефоне лежала фотография сложенного вчетверо листа. Лев увеличил изображение и протянул ей экран.

Бумага была в клетку, с серой полосой по левому краю. На ней стояли четыре строки, написанные неровным почерком:

«В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое пропуск № 18 был унесён из дежурной комнаты человеком в тёмном пальто. Дверь открыли изнутри. Девушка, которая была рядом, сказала: “Не записывайте моё имя”. Видел лично. Е. Сафонов».

Ниже стояла дата: двадцать первое ноября, через шесть дней после исчезновения пропуска.

Соня вернула телефон.

— Кто такой Сафонов?

— Евгений Николаевич. Раньше работал сторожем в корпусе. Сейчас живёт в Серебряной Гавани, на Кленовой. Я нашёл его через старый список сотрудников. Он сам написал мне вчера вечером.

— Почему не позвонил?

— Позвонил. Сказал, что не хочет обсуждать это по телефону. Потом прислал фотографию.

Соня снова посмотрела на лист.

— Это не свидетельство в юридическом смысле. Это заявление без подписи, которую можно проверить, и без объяснения, где именно он находился.

— Поэтому я не собирался выдавать его за доказательство.

— Но ты уже решил, что он видел человека?

Лев убрал телефон.

— Я решил, что должен показать тебе лист до того, как мы начнём строить версии без него.

Соня закрыла блокнот. Возражать было нечему, но спокойствие давалось ей труднее, чем обычно. У независимого свидетельства имелась неприятная особенность: оно не подтверждало их гипотезу целиком, зато разрушало удобную часть прежней. В журнале пропуск числился отсутствующим утром пятнадцатого. Сафонов утверждал, что видел, как его уносили ночью. Значит, запись могла быть сделана не в момент пропажи, а позднее.

— Ты говорил с ним один?

— Да.

— Он знает, кто ты?

— Знает. Я представился.

— И сказал, что ты связан с этим делом?

— Сказал, что пытаюсь разобраться в истории, к которой имеет отношение моя мать.

Соня задержала на нём взгляд.

— Лев, это уже не просто поиск старого адреса.

— Я знаю.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты знаешь, что это может быть неприятно. Но пока не знаешь, что для человека, который увидел незаконный вынос документа, опасность могла начаться не тогда, когда пропуск исчез. Она могла продолжаться все эти годы.

Он посмотрел через улицу. На мокром асфальте дрожали отражения светофоров.

— Тогда поедem вместе.

— Сначала позвоним ему ещё раз и скажем, что будем вдвоём. Он должен согласиться на разговор, а не обнаружить нас у двери.

Лев набрал номер. Ответили после третьего гудка.

— Сафонов слушает.

Голос оказался сухим, старческим, но без растерянности.

— Евгений Николаевич, это Лев Данилов. Я сейчас у архива вместе с Соней Орловой.

Можно приехать к вам через час? Если вы передумали, мы не будем настаивать.

На другом конце повисла пауза. Ветер шевельнул край папки в руках Сони.

— Орлова... Это та самая фамилия из конверта?

Соня и Лев переглянулись.

— Какого конверта? — спросила она.

— Не по телефону, — ответил Сафонов. — Приезжайте. Только без полиции.

— Почему?

— Потому что если бы я хотел говорить с полицией, сделал бы это в ноябре. А теперь поздно.

Он отключился.

— Что за конверт? — спросила Соня.

— Не знаю.

— Ты точно раньше не слышал о нём?

— Точно.

Она записала адрес и время разговора, затем поставила рядом короткую пометку: «упоминание конверта — со слов Сафонова». Так неизвестное снова обрело границы, а не превратилось в предчувствие.

До Кленовой они ехали на трамвае. Салон был почти пуст: у задней двери сидела женщина с букетом сухих веток, рядом мальчик в красной шапке считал остановки по пальцам. Лев стоял, держась за верхний поручень, и всё время проверял телефон.

— Ты ждёшь сообщения? — спросила Соня.

— Нет.

— Тогда зачем смотришь?

— Привычка.

— Плохая.

— Согласен.

На остановке «Старый рынок» трамвай дёрнулся, и Лев едва не упал. Соня схватила его за локоть. Он удержался, но не сразу убрал руку.

— Спасибо.

— Это был поручень, а не я.

— Я заметил.

Они разошлись взглядами, не превращая случайное прикосновение в обещание.

Дом на Кленовой оказался трёхэтажным, с облупленной зелёной дверью и узкими окнами лестничной клетки. На втором этаже Сафонов открыл почти сразу. Он был невысоким, в шер-

стяном жилете поверх рубашки, с тяжёлым слуховым аппаратом за левым ухом. Правая рука дрожала, но ключ в замке он повернул уверенно.

— Проходите. Только дверь прикройте, не запирайте.

В квартире пахло лекарствами, пылью и яблоками. В прихожей на гвозде висела старая форменная куртка с выцветшим шевроном. Сафонов провёл их в комнату и указал на два стула у стола.

— Я не звал вас ради воспоминаний, — сказал он. — Воспоминания у каждого свои. Я звал, потому что нашёл кое-что после вашего звонка.

Он достал из шкафа плоскую коробку из-под обуви. Внутри лежали квитанции, несколько фотографий и маленькая металлическая пластина с отверстиями по краям.

Лев сразу наклонился вперёд.

— Это номерной держатель от пропуска?

— От старого пропуска, — ответил Сафонов. — Бумажную карточку вставляли сюда, чтобы не мялась. Номер восемнадцать был на обратной стороне. Я не сохранил саму карточку, только держатель.

Соня попросила разрешения посмотреть. Пластина оказалась совершенно обычной: тусклый алюминий, царапина возле одного отверстия, следы зелёной краски. На первый взгляд — бесполезная вещь.

— Откуда он у вас?

— Нашёл под батареей в дежурной комнате утром пятнадцатого. Думал, выкинули. Потом увидел, что номер стёрт, но цифры проступали. Взял домой, потому что начальник велел никому не рассказывать о ночном посетителе.

— Кто велел?

— Вельская.

Лев поднял голову.

— Вы уверены?

— Я был сторожем, а не слепым. Она пришла около половины первого. Не одна. С ней была молодая женщина. Та самая, которая сказала не записывать её имя.

Соня раскрыла блокнот.

— Вы видели лицо?

— Лицо Вельской — да. Второй женщины — наполовину. Она всё время стояла боком. Но голос запомнил. Женщина спросила: «Вы уверены, что это безопасно?» Вельская ответила: «Без согласия — нет». Потом тот человек забрал папку.

— Какую папку?

Сафонов провёл пальцем по краю коробки.

— Список жильцов из дома на Лесной. Детей, которые должны были прийти в корпус утром. Вельская говорила, что нельзя использовать их имена без разрешения родителей. А тот мужчина сказал, что иначе охрана не успеет проверить всех до рассвета.

Соня почувствовала, как внутри выстраивается жёсткая связка. Не магия, не тайное правило, а человеческое решение: кто-то решил, что общая безопасность позволяет обойти чужое согласие. Возможно, именно этот список потом превратили в основание для пропусков.

— Почему вы написали, что человек уносил пропуск? — спросила она.

— Потому что видел его в руке. Он прикрепил карточку к держателю, сунул в карман и сказал, что вернёт до утра.

— А утром не вернул?

— Утром его уже не было. И Вельской тоже.

— Вы сообщили начальству?

Сафонов усмехнулся.

— Сообщил. Мне сказали, что я перепутал даты.

Он достал из коробки ещё один лист — копию старого табеля дежурств. Внизу стояла его подпись, напротив даты четырнадцатого ноября. Но рядом карандашом были вписаны слова: «дежурство снято с 20:00».

— Я не снимался, — сказал Сафонов. — Подпись моя, запись не моя. После этого меня перевели в ночную смену на склад. Через месяц уволили.

Соня попросила разрешения сфотографировать документы. Сафонов кивнул, но, пока она работала, в дверь квартиры коротко постучали.

Три удара. Не звонок, а именно стук.

Сафонов побледнел.

— Никому не говорил, что вы придёте?

— Нет, — ответил Лев.

Стук повторился.

— Евгений Николаевич, — раздался из-за двери мужской голос. — Откройте. Нам нужно поговорить.

Сафонов вцепился пальцами в край стола.

— Они узнали, — прошептал он.

Соня быстро закрыла камеру телефона и убрала его в карман.

— Кто?

Сафонов посмотрел на Льва.

— Тот, кто всё это время считал, что у меня ничего не осталось.

Лев поднялся, но Соня остановила его жестом.

— Не открывайте, — сказала она Сафонову. — И не разговаривайте через дверь.

Она уже набирала номер участкового, который был указан в справочнике архива. Теперь найденный держатель, изменённый табель и голос за дверью превращали старое свидетельство в непосредственный риск, а их разговор — в событие, о котором нельзя было позволить кому-то распорядиться без их согласия.

Глава 3. Цена первой ошибки

Соня набрала номер и включила громкую связь только после того, как Лев кивнул. Гудки тянулись один за другим. За дверью молчали, но это молчание было хуже настойчивого стука: человек снаружи понял, что его не впустят, и теперь слушал.

Сафонов сидел, не отрывая взгляда от замка.

— Участковый не отвечает, — сказала Соня.

— Дежурная часть, — быстро предложил Лев. — Звоните туда.

Он говорил тихо, но в его голосе уже появилась та собранность, которую Соня знала по прошлым случаям: Лев не успокаивал себя рассуждениями, а искал ближайшее действие. Она набрала экстренный номер и назвала адрес. Дежурному пришлось повторить вопрос о причине вызова.

— Угроза неизвестного человека, — ответила Соня. — Он требует открыть дверь и, по словам хозяина квартиры, может быть связан с пропажей документов. Оружия мы не видим. Нет, внутрь он не проник.

За дверью снова раздался один короткий удар и затих.

Сафонов вздрогнул так сильно, что задел локтем чашку. Та опрокинулась, и чай растёкся по столу, подбираясь к папке с копиями. Лев мгновенно подхватил папку, а Соня отодвинула чашку и прижала к бумаге сложенное полотенце.

— Он ушёл? — прошептал Сафонов.

Никто не ответил. За дверью не было слышно ни шагов, ни лифта. Только трубы в стене отзывались глухим металлическим потрескиванием.

— Отойдите от двери, — сказала Соня. — Все.

Сафонов не двинулся.

— Если он ушёл, значит, понял, что мы вызвали полицию.

— Если не ушёл, тем более не стоит стоять напротив замка.

Лев взял Сафонова за плечо и мягко, но без возможности для спора отвёл к окну. Соня выключила верхний свет. Комната сразу сжалась, оставив на стенах только серое отражение фонарей с улицы. Сафонов дышал ртом. На стекле темнело его лицо, старое и растерянное.

Через несколько минут снизу хлопнула дверь подъезда. В лестничной клетке послышались шаги, потом короткая ругань и звук работающего лифта. Соня не могла понять, поднимается кабина или спускается. Лев приблизился к стене, прислушался.

— Вверх, — сказал он.

Сафонов закрыл глаза.

— Я не хотел, чтобы это снова началось.

— Что именно? — спросила Соня.

Он открыл глаза, но смотрел не на неё, а на Льва.

— Вы нашли держатель и решили, что человек за дверью пришёл за ним. Это не так.

— Тогда зачем он пришёл?

— Из-за меня.

Лифт остановился этажом ниже. Секунду спустя шаги продолжились по лестнице. Медленные, тяжёлые. Послышался скрип перил.

— Вы его знаете? — спросил Лев.

— Да.

— Имя.

Сафонов провёл ладонью по лицу.

— Аркадий Мельников. Бывший инспектор фонда. Он работал с Вельской.

Соня почувствовала, как в папке под её рукой шевельнулась тонкая бумага. Не сама, конечно. Это просто от напряжения пальцы дрогнули. Она вспомнила номер пропуска, дату, изменённый табель и то, как Рудин произнёс: «Так не бывает случайно».

— Почему вы сказали, что у вас ничего не осталось? — спросила она.

— Потому что Мельников так думал.

Шаги остановились у двери.

— Евгений Николаевич, — произнёс голос. Теперь в нём не было прежней вежливости.

— Я знаю, что вы не один. Не заставляйте меня обращаться с этим иначе.

Лев посмотрел на Соню. Он ничего не произнёс, но вопрос был очевиден: включать ли запись?

Телефон лежал у неё в кармане. Камера уже была закрыта, однако звук продолжал фиксироваться. Соня могла достать его, показать полиции, отправить файл Рудину — и тем самым использовать слова Сафонова без его разрешения. Возможно, это спасло бы расследование. Возможно, именно этого от них и добивался неизвестный: напугать свидетеля, заставить его говорить перед чужими людьми, превратить страх в доказательство.

— Евгений Николаевич, — сказала Соня, не повышая голоса. — Я записываю происходящее. Вы согласны передать запись полиции?

Сафонов резко повернулся.

— Вы уже записывали?

— Да. Чтобы зафиксировать угрозу. Я должна была сказать об этом сразу.

— Вы не имели права.

— Возможно, — ответила Соня. — Поэтому спрашиваю сейчас, прежде чем передавать файл кому-либо.

За дверью Мельников усмехнулся.

— Слышите? Она тоже всё понимает. Подпишите разрешение — и вас оставят в покое.

Сафонов вздрогнул.

— Какое разрешение?

— Старик, не притворяйтесь, — сказал Мельников. — Вы ведь сами согласились, чтобы материалы хранились у меня. Вашей рукой написано.

Лев шагнул к двери, но Соня остановила его ладонью.

— Не отвечайте ему.

— Он врёт, — сказал Сафонов. — Я ничего не подписывал.

— Первое объяснение обычно самое удобное, — тихо заметил Лев. — Но нам нужно не самое удобное, а проверяемое.

На лестнице снова стало тихо. Затем Мельников произнёс:

— Я оставлю вам десять минут. Потом заберу то, что принадлежит фонду.

Шаги удалились. На этот раз они действительно направились вниз.

Сафонов медленно опустился на стул.

— Вы должны уехать, — сказал он. — Сейчас. Пока он не вернулся.

— А вы?

— Я справлюсь.

— Нет, — отрезала Соня. — Вы только что сказали, что он знает о материалах и считает их своей собственностью. Оставить вас одного — не помощь.

Лев уже набирал дежурную часть повторно. Соня положила перед Сафоновым телефон.

— Вы согласны, чтобы запись разговора передали полиции?

Он смотрел на экран так, словно перед ним лежал не телефон, а ещё одна расписка.

— Если соглашусь, они узнают, что я говорил вам о Мельникове.

— Да.

— И про Вельскую.

— Возможно.

Сафонов сжал губы. В его лице проступила не трусость, а усталость человека, которого слишком долго заставляли выбирать между плохим и ещё худшим.

— Передавайте, — сказал он наконец. — Только не вырезайте ничего.

Соня кивнула и сохранила файл отдельно. В этот момент на лестнице раздались новые шаги — быстрые, тяжёлые, уже не скрывающиеся. Дежурный сообщил Льву, что наряд подъезжает, но дверь снова содрогнулась от удара.

— Десять минут закончились, — сказал Мельников.

Сафонов вскочил.

— Там в шкафу, за нижней полкой, лежит папка. Возьмите её.

— Вы сами достанете, — ответила Соня.

— Зачем?

— Потому что это ваша квартира и ваши документы. Я не стану превращать вашу растерянность в разрешение делать всё за вас.

Он смотрел на неё несколько секунд, затем подошёл к старому книжному шкафу. Руки у него дрожали, но полку он вынул сам. За ней обнаружилась плоская серая папка и небольшой металлический футляр, похожий на коробку для швейных принадлежностей.

Сафонов вынес их к столу.

— Вот. Мельников искал это.

Соня не прикоснулась к папке.

— Что внутри?

— Судя по надписи на обложке, там должно быть соглашение; что ещё внутри, я не проверял.

— Оригинал?

— У него.

Удар в дверь повторился. Снаружи Мельников закричал:

— Евгений, вы прекрасно знаете, что подписали!

Сафонов открыл папку. На первой странице стояла дата, от которой у Сони похолодели пальцы: документ был составлен за два месяца до смерти Вельской. Ниже шла его фамилия, напечатанная в тексте, и подпись — неровная, с длинным росчерком в конце.

— Я не помню этого, — сказал Сафонов.

Лев наклонился над листом.

— Подпись похожа на вашу.

— Похожа — не значит моя.

Соня перевернула страницу. Внизу стояла нотариальная отметка, а рядом — номер регистрационной книги. Сомнение, которое могло бы спасти Сафопова от признания, исчезло: соглашение действительно было оформлено документально. Он когда-то дал согласие передать материалы фонда на временное хранение Мельникову.

Но на следующем листе лежало письмо Вельской, и в нём было всего две строки:

«Евгений, не отдавайте им последнее приложение. Моё согласие касается только копий. Если они потребуют футляр, значит, нашли способ обойти подпись».

Сафонов побледнел.

Металлический футляр на столе выглядел совершенно обычно — потёртый, с вмятиной на крышке, без замка и знаков. Но Сафонов отодвинул его от себя, словно внутри лежало нечто опаснее любого документа.

В дверь уже стучала полиция.

— Откройте! Полиция!

Сафонов посмотрел на Соню.

— Если я открою, они заберут всё.

— Если не откроете, Мельников получит возможность представить вас виновным в сокрытии документов.

— А футляр?

Соня взяла папку, но оставила футляр на столе.

— Футляр вы передадите сами. После того как полицейские войдут и зафиксируют, где он лежал.

Сафонов кивнул. На этот раз — не потому, что его подтолкнули, а потому, что решение стало его собственным.

Лев отодвинул цепочку. Когда дверь распахнулась, в квартиру ворвался холод лестничной клетки, а вместе с ним — двое полицейских и Мельников, которого задержали на площадке. Он успел поднять руки, но улыбка на его лице исчезла, стоило ему увидеть раскрытую папку.

— Это моё, — сказал он.

— Нет, — ответил Сафонов. — Вы получили только копии. Футляр я вам не передавал.

Соня посмотрела на письмо Вельской, на подпись Сафопова и на обычную металлическую коробку между ними. Первое объяснение уже оказалось ложным: Мельников не пришёл возвращать законно полученное хранение. Он пришёл забрать то, на что у него никогда не было согласия.

Полицейский у двери попросил всех отойти от стола. Его напарница уже доставала из сумки прозрачные пакеты и перчатки.

— Никто ничего не трогает, — сказал он. — Сначала зафиксируем положение предметов. Потом каждый расскажет, что здесь произошло.

Мельников опустил руки. На его манжетах блестели капли дождя, хотя на улице дождь давно кончился.

— Я пришёл за документами, которые принадлежат фонду, — произнёс он. — Сафонов удерживает их без оснований.

— Откуда вы узнали, что здесь именно эти документы? — спросила Соня. Мельников перевёл на неё взгляд.

— Мне сказали, что здесь материалы фонда.

— До того, как увидели стол.

Он промолчал. Полицейский посмотрел на Сафонова.

— Вы готовы дать объяснение?

Тот провёл ладонью по лицу. На щеке осталась красная полоса от пальцев.

— Готов. Только сначала запишите, что папку я нашёл у себя в шкафу. Я её не открывал до того, как Соня попросила показать содержимое.

— А футляр?

— Стоял там же.

— Вы знали, что внутри?

Сафонов задержал дыхание.

— Нет. И сейчас не знаю.

Напарница полицейского сфотографировала стол, папку, футляр и место у шкафа, которое указал Сафонов. Затем попросила его показать, где именно лежали вещи. Он подошёл к книжному шкафу и указал на место за вынутой нижней полкой.

— Там, за полкой, рядом с коробкой бумаги.

— Давно?

— Не могу сказать.

— Но вы сами положили их туда?

— Не помню.

В комнате стало тихо. Не так, как бывает, когда люди ждут ответа, а как в архивном хранилище после закрытия дверей: тишина оставляла каждому его собственные мысли, и те звучали громче голосов.

Соня вынула из папки руки.

— Он не должен отвечать на вопросы о том, чего не помнит, как о фактах, — сказала она. — Запишите именно так.

Полицейский повернулся к ней:

— Вы адвокат?

— Нет. Я работаю с архивными документами. В этой папке есть нотариальная отметка и номер регистрационной книги. Это можно проверить.

— Проверим, — сказал он. — Но сначала вы оба расскажете, как оказались здесь.

Лев назвал время звонка, объяснил, что Сафонов сообщил о визите Мельникова, и не стал скрывать, что они пришли до приезда полиции. Он говорил ровно, без попытки выставить себя тем, кто всё предусмотрел. Когда полицейский спросил, почему они не ушли сразу после первого стука, Лев ответил:

— Потому что Сафонов боялся открыть дверь. Мы решили вызвать полицию и остаться свидетелями.

— Решили вы, — сказал Сафонов. — Я не просил вас оставаться.

— Вы просили уйти, но мы решили дожидаться полиции, — тихо ответил Лев.

Сафонов посмотрел на него, словно собирался возразить, но отвёл глаза. Соня отметила это про себя и тут же заставила себя не делать из чужой паузы вывода. В последнее время слишком многое складывалось в готовую версию, а потом обнаруживалось, что версия держалась не на фактах, а на желании быстрее закончить неприятный разговор.

Полицейский перелистал соглашение, не касаясь бумаги голыми пальцами.

— Номер регистрации совпадает с отметкой?

— Я пока не могу утверждать, — сказала Соня. — Нужна книга или заверенная выписка. Но номер читается.

— Мельников, — обратился полицейский к мужчине, — вы знали о письме Вельской?

— Нет.

— Знали, что в папке лежит?

— Нет.

— Тогда почему решили, что она ваша?

— Я сказал: материалы фонда. Они были переданы мне на хранение.

Сафонов резко поднял голову.

— Копии.

— Вот что вы утверждаете сейчас.

— Вот что написано в письме.

Мельников усмехнулся, но уже без прежней уверенности.

— Письмо не имеет силы соглашения.

— Оно объясняет, что именно она согласилась передать, — сказала Соня. — В самом соглашении есть приложение?

Полицейский раскрыл документ на последней странице. Там была ссылка на перечень передаваемых материалов, но сам перечень отсутствовал.

— Приложение не приложено, — заметил он.

— Именно поэтому нужно установить, что получили стороны, — сказала Соня. — И что отсутствует сейчас.

— Вы говорите так, будто уже знаете, что именно пропало.

— Я знаю только, что письмо упоминает последнее приложение и футляр. Остальное нужно доказать.

Полицейский кивнул напарнице. Та положила футляр в пакет, не открывая, и запечатала его. На наклейке появились время, адрес и подписи свидетелей. Сафонов поставил свою с трудом — ручка скользнула по бумаге, оставив короткую дрожавшую черту.

— Вы согласны на осмотр содержимого в присутствии понятых? — спросил полицейский.

Сафонов посмотрел на пакет.

— Согласен, если будет записано, что я передаю его сам и не признаю, что знал о его содержимом.

Полицейский попросил уточнить формулировку. Сафонов повторил её медленно. Соня ничего не добавляла: сейчас важно было не подсказать ему правильный ответ, а сохранить его собственный.

Мельников стоял возле двери между двумя полицейскими. Он уже не требовал вернуть футляр. Теперь он следил за пакетом, будто надеялся, что прозрачный пластик скроет его содержимое лучше, чем прежняя закрытая крышка.

— По словам Сафонова, вы считали, что у него ничего не осталось, — сказала Соня.

— Я не говорил этого.

— Он и не утверждал, что вы это говорили. Он говорил о том, что вы думали.

Мельников посмотрел на неё.

— Это не одно и то же.

— Значит, вы знали, что он мог хранить что-то ещё.

— Я знал, что он человек рассеянный. У него могли остаться старые бумаги.

— И поэтому вы пришли ночью, требовали открыть дверь и заявили, что футляр ваш?

— Я пришёл поговорить.

Соня не ответила. Она уже слышала, как разговор превращают в оправдание, а оправдание — в свидетельство намерения. Но между ними оставался документ, который пока не был проверен, и предмет, содержимое которого никто ещё не видел. Уверенность Мельникова не заменяла ни того, ни другого.

Полицейский попросил всех оставаться в комнате, пока коллеги не установят, нужно ли опечатывать папку и шкаф. Один из них вышел на лестницу, другой связался с отделом, назвав адрес и номер нотариальной отметки. Сафонов сел на стул у стены. Лев остался стоять рядом, не касаясь его.

— Вы знали, что письмо существует? — спросила Соня.

— Нет.

— Даже после смерти Вельской?

— Я не помнил соглашения. Как я мог помнить письмо, которого не видел?

Слова прозвучали резко, но в них не было ни вызова, ни просьбы о сочувствии. Соня закрыла папку. Его забывчивость могла быть правдой, могла быть следствием болезни или страха, но сама по себе она не отменяла подпись. И не доказывала, что он сознательно помогал Мельникову.

— Мы не будем решать это за полицию, — сказала она.

Сафонов кивнул.

— Я понял.

Лев взглянул на Соню. В этом взгляде не было согласия или упрёка — только вопрос, оставленный ей на выбор. Она ответила едва заметным движением головы. Потом отвела глаза: сейчас их близость могла выражаться лишь в том, чтобы не подменять друг друга готовыми решениями.

Когда полицейский вернулся, он сообщил, что номер регистрации найден в нотариальной базе. Соглашение существовало, но электронная запись не содержала приложения. Для официальной проверки требовалось запросить бумажную книгу и экземпляры сторон.

— Значит, подпись подтверждена? — спросил Лев.

— Подтверждена регистрация документа с таким номером и датой, — поправила Соня.

— Не содержание отсутствующего приложения.

Полицейский посмотрел на неё с одобрением, но она не почувствовала облегчения. Один важный факт стал твёрже: Сафонов действительно когда-то подписал соглашение о временной передаче материалов Мельникову. Только из этого ещё не следовало, что тот получил право на всё, что было в квартире.

Мельников услышал ответ и отвёл взгляд к окну.

— Вы могли сразу сказать, что соглашение зарегистрировано, — бросил он Сафонову.

— Я только сегодня увидел его.

— Удобно.

Сафонов сжал пальцы на коленях.

— А вам удобно помнить только ту часть, которая нужна вам.

Полицейский попросил Мельникова замолчать. Тот подчинился, но лицо его стало неподвижным, почти бесстрастным.

Соня собрала свои копии в отдельный файл и передала полицейскому одну, оставив себе другую. На каждой странице она проверила дату и печать; ни один лист не исчез и не переместился. Это не возвращало Сафонову память и не объясняло, кто положил папку в шкаф. Но теперь расследование больше не держалось на их словах против слов Мельникова: у них был зарегистрированный документ и письмо, содержание которого предстояло подтвердить.

На лестнице уже слышались шаги ещё одного сотрудника. Сафонов поднялся, когда полицейский попросил его проехать в отдел для письменного объяснения.

— Я поеду сам, — сказал он. — И футляр поедет со мной.

— Он поедет в опечатанном виде, — ответил полицейский. — Вы его не получите обратно до осмотра.

Сафонов посмотрел на пакет, потом на Соню.

— Я думал, вы собираетесь забрать его у меня.

— Я хотела, чтобы вы передали его не Мельникову, — сказала она. — Не чтобы он остался у вас любой ценой.

Он помолчал, затем кивнул.

Когда они вышли в подъезд, Мельников оказался впереди, между полицейскими. Он не оборачивался. Сафонов шёл за ним, придерживая пальто на груди, словно в квартире осталось что-то незапертое.

Лев задержался у двери вместе с Соней.

— Мы ошиблись насчёт Сафонова, — сказал он.

— Пока мы ошиблись насчёт того, насколько много он помнит.

— Это лучше?

— Нет. Просто точнее.

Она заперла дверь только после того, как полицейский сказал, что вернётся за шкафом и остальными бумагами. Ключ повернулся с сухим щелчком. Соня убрала его в сумку и на секунду задержала ладонь на холодной ручке.

Внизу уже хлопнула дверца служебной машины. Папка оставалась у полиции, футляр — в опечатанном пакете, а подписанное Сафоновым соглашение впервые получило номер, который можно было проверить. Но письмо Вельской пока было единственным свидетельством того, что его согласие имело пределы, и Соня знала: от того, удастся ли доказать этот предел, зависело не только прошлое Сафонова.

У подъезда Лев остановился, пропуская Соню вперёд. Служебная машина уже тронулась; красные огни скользнули по мокрой мостовой и исчезли за углом. Сафонов уехал вместе с полицейскими, а Мельников — в другой машине. На лестничной площадке остался запах сырой шерсти и чужого табака.

Соня поправила ремень сумки. Ключ от квартиры лежал во внутреннем кармане, рядом с папкой, где хранилась её копия соглашения. Бумага уже не казалась тонкой. Скорее — опасно лёгкой: её можно было положить в ящик, забыть, а потом обнаружить, что кто-то успел истолковать её за тебя.

— В отдел? — спросил Лев.

— Да. Хочу узнать, как оформят футляр и кто будет осматривать квартиру.

— Полицейский сказал, что вернётся.

— Сказал, что вернётся за шкафом и остальными бумагами. Это не совсем одно и то же.

Лев посмотрел на неё, но спорить не стал. Они пошли к остановке. Дождевые капли цеплялись за волосы, а с крыш тянуло холодным железом. Соня шла быстро, не потому что боялась опоздать, а потому что ей требовалось занять руки делом. Она проверила молнию сумки, затем ещё раз — застёжку файла.

В отделении дежурный узнал их и провёл в комнату для объяснений. Там пахло кипятком, бумагой и нагретой пылью. Полицейский, принимавший футляр у Сафонова, сидел за столом и заполнял протокол. Перед ним лежал прозрачный пакет с печатью. Сквозь пластик проступал край потемневшего металлического футляра.

— Осмотр начнётся утром, — сказал он, когда Соня спросила. — Сейчас оформляем передачу и сверяем опись.

— А Сафонов?

— Дал объяснение. Останется до утра у дочери, его отвезут после оформления.

Соня кивнула. От этой новости она не почувствовала облегчения. То, что Сафонов не вернётся в квартиру один, не означало, что он там был в безопасности. И не означало, что с ним поступили справедливо.

— Скажите, пожалуйста, — продолжила она, — по уже присвоенному соглашению регистрационному номеру можно будет установить, что именно передали Мельникову? Не по его словам, а по записи.

Полицейский поднял глаза.

— Будем запрашивать архив. Если там есть приложение, оно должно быть в деле.

— А если приложения нет?

— Тогда зафиксируем, что его нет.

Лев чуть заметно повернулся к ней. Соня понимала, что он хотел сказать: отсутствие листа тоже важно. Но важным оно становилось только после того, как кто-то подтвердит, что лист должен был существовать.

— Нам нужно получить копию вашего запроса, — сказала она.

— Вы не сторона дела.

— Я не прошу материалы дела. Только подтверждение, что запрос отправлен.

Полицейский откинулся на спинку стула и устало потёр переносицу.

— Это можно.

Он написал короткую справку и поставил штамп. Соня прочитала её дважды. Дата, время, фамилия сотрудника, адрес архива. Никакой оценки и обещаний. Она убрала лист в файл, отдельно от копий.

Когда они вышли в коридор, Лев задержал дверь.

— Ты всё время оставляешь себе возможность передумать.

— Нет. Я оставляю возможность проверить, что именно решила.

— Это не всегда одно и то же.

— Поэтому я и проверяю.

Он не ответил. В его молчании Соня слышала не раздражение, а что-то более старое — знакомое ей по редким паузам, когда Лев вспоминал свою ошибку и предпочитал не перекладывать её на других. Она не стала спрашивать. Не сейчас.

На улице уже было темно, ночь давно наступила. Они прошли квартал молча. У газетного киоска Соня остановилась и достала телефон.

— Надо позвонить в архив, — сказала она. — Утром они уже будут предупреждены полицией, но я хочу выяснить, кто может подтвердить регистрацию.

— Сейчас закрыто.

— Есть дежурный номер.

Номер был напечатан на обороте визитки, которую Соня получила от заведующей. Она набрала его, назвалась и попросила соединить с ответственным за регистрационные книги. Ответившая женщина сперва сказала, что поздно, потом, услышав фамилию Вельской, попросила подождать.

Лев стоял рядом, не прислушиваясь нарочито, но и не отходя. Соня отвернулась от ветра.

— Да, запись есть, — наконец произнесла женщина в трубке. — Я смотрю карточку. Соглашение зарегистрировано. Передача на временное хранение, срок указан.

Соня достала блокнот.

— Есть приложение с перечнем?

Наступила пауза. На том конце перелистнули бумагу.

— В карточке оно отмечено. Но копии у меня нет. Дело в хранилище, запросите утром.

— Кто подавал документы?

— Указаны оба участника. Сафонов и Мельников.

— А подписи?

— На оригинале. Я не могу их подтвердить по телефону.

— Понимаю. Можно записать номер дела?

Женщина продиктовала номер и повторила его медленнее. Соня записала, прочитала вслух, сверила каждую цифру.

— И срок, пожалуйста.

— До конца месяца. Потом хранение продлевалось отдельно, если стороны соглашались.

Соня посмотрела на Льва. Он нахмурился, но ничего не спросил, пока она не закончила разговор.

— Значит, право у Мельникова всё-таки было, — сказал он.

— На временное хранение. Если приложение подтвердит, что именно передали.

— Сафонов это подписал.

— Да.

— А письмо Вельской говорит, что он не соглашался отдавать всё.

— Письмо может говорить о его намерении. Оно не отменяет документ автоматически.

Слова прозвучали жёстче, чем ей хотелось. Она закрыла блокнот. Ветер поднял край страницы, но Соня успела прижать его ладонью.

Лев смотрел на неё внимательно.

— Ты считаешь, что мы зря его защищали?

— Мы не защищали его. Мы не позволили Мельникову забрать футляр до проверки.

— Это разные вещи?

— Должны быть.

На остановке загорелось табло. Автобус задерживался на девять минут. Соня спрятала блокнот и почувствовала, как холод добирается до пальцев.

— Если приложение подтвердит передачу всего содержимого, — сказал Лев, — письмо ничего не изменит.

— Изменит. Но не обязательно так, как Сафонов надеется.

— А если там будет только перечень?

— Тогда мы узнаем, что именно он разрешил передать. Это и есть предел, о котором пока можно говорить точно.

Лев отвернулся к дороге. Фары приближающегося автобуса размылись в дождевой пелене.

— Я хотел, чтобы он оказался прав, — сказал он.

Соня не стала утешать его быстрым ответом.

— Я тоже.

Автобус остановился, двери раскрылись с коротким шипением. Соня первой поднялась по ступенькам, придерживая сумку с документами. Теперь у них был номер дела и подтверждение регистрации, но ещё не было перечня, который мог отделить согласие Сафопова от того, что за него решили другие.

Автобус тронулся, качнув пассажиров к задней стенке. Соня взялась за поручень, папку прижала к груди. Лев сел у окна, но не стал смотреть на мокрые улицы. В стекле отражалось его лицо — усталое, собранное и почему-то моложе, чем несколько минут назад.

Телефон Сони завибрировал.

На экране высветился незнакомый номер.

— Орлова, — сказала она.

Несколько секунд в трубке слышалось только дыхание.

— Это я, — произнёс Сафонов. — Меня привезли к дочери. Не приезжайте пока.

Соня выпрямилась.

— Что случилось?

— Здесь входная дверь открылась сама.

— Вы открыли её?

— Нет. Я сам решил вызвать участкового. Потом... тот человек снова постучал. Я не отвечал. Он назвал моё имя, потом сказал, что вы уже всё выяснили. Что теперь нет смысла прятать бумаги.

Лев поднял взгляд.

— Вы его видели? — спросила Соня.

— Только спину. Он стоял на лестнице, когда дверь распахнулась. Я не знаю, почему замок... — Сафонов запнулся. — Участковый приехал через семь минут. Мужчины уже не было.

— Вы ничего не трогали?

— Нет. Но на полу лежала записка.

Соня посмотрела на Льва. Тот сразу встал и прошёл к двери автобуса, чтобы освободить им место у выхода.

— Прочитайте, что там написано.

— «Письмо верните до рассвета». И всё.

— Вы уверены, что это было именно письмо Вельской?

— Я не знаю. Но он говорил о бумагах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.